

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ ЛЕОНИДА АРОНЗОНА

(26 окт. 1982г.)

Я горжусь тем, что мне выпало счастье быть другом Леонида Аронзона. Наша дружба длилась больше двух лет и прервалась (по моей вине) весной 1967 года.

Когда меня познакомили с Аронзоном, ему было двадцать шесть лет, мне еще не исполнилось восемнадцати. Он был уже в то время поэтом с определенным литературным именем. В доме Аронзона бывали такие люди, как Леонид Ентин и Алексей Хвостенко, Леон Богданов и Юрий Галецкий, позже — Анри Волохонский и Евгений Михнов.

Я хочу особо отметить, что, хотя наше знакомство состоялось на чисто литературной почве, а Аронзон ежеминутно буквально дышал стихами, наши отношения были вполне человеческими и — несмотря на солидную разницу в возрасте — на равных. В частности, мы были (по его инициативе!) на "ты".

Я бывал в доме Аронзона практически ежедневно и терзал его своими стихами. К слову сказать, я не был его учеником в обычном смысле этого слова, к тому же моя строптивость... Только через несколько лет после смерти Аронзона я стал сознавать, скольким я ему обязан, и в первую очередь тем, что он открыл передо мной классическую поэзию: Боратынского, Пушкина, Державина.

Аронзон твердо отстаивал свои творческие позиции (как и я свой), что, однако, нисколько не мешало ему ценить те мои сочинения (впрочем, чаще — только части их, увы!), которые были действительно удачны или, по крайней мере, неожиданны. Несколько раз мы предавались совместному творчеству, хотя, к сожалению, результаты сказались, на мой взгляд, неудачными.

Я уже сказал, что наши отношения были на равных — благодаря этому обстоятельству я, совсем тогда юный начинающий

поэт, приобрел особое, переданное мне моим старшим другом зрение, точнее, мироощущение. Я перестал ощущать разницу в возрасте, хотя сначала, конечно же, смотрел на него "снизу вверх", да и чувствовал себя порой в "не по чину барственной шубе". Эта, вообще присущая Аронзону черта — быть вне всяческих условностей, быть раскрепощенным и свободным — освобождала и тех его друзей, которые способны были принять свободу как норму.

По моей просьбе Аронзон часто показывал мне свои стихотворения и прозу, многое дарил, давал с собой на время, иногда просто читал вслух. Ему были присущи также необыкновенное остроумие и самоирония. Иногда, прочитав какое-либо стихотворение из ранних, он комически ужасался или начинал хохотать. Чаще, однако, он хохотал над виршами современных ленинградских поэтов: вкус у него был точный, слух и глаз — острыми, поэтому, разбирая услышанное или прочитанное, он был беспощаден.

Я слышал чтение стихов — не побоюсь сказать — сотни поэтов. Поразили меня только двое: Крученых и Аронзон. Аронзон читал чужие стихи так, как будто это были его собственные, только что написанные, еще не прожитые стихи. Никогда не забуду, как он читал свое любимое: "Воспоминание" Пушкина, "Астры" Красовицкого, "Запустение" Боратынского, "Приморский сонет" Ахматовой...

Мы довольно часто выпивали или просто сидели и курили — то у него дома, то гуляя по улицам, то специально выезжая за город... Иногда мы заходили в кино. Как-то мы забрались в бывшие "Новости дня" и несколько раз подряд смотрели фильм Ива Кусто из подводной жизни. Кадры фильма то необыкновенно веселили нас, то вызвали леденящий ужас. А однажды нам довелось испытать ужас несколько иной. Мы забрели, прогуливаясь, в Дом писателя и застали там следующую сцену: сгрудившись вокруг заставленного чашечками изпод кофе стола, группа молодых поэтов, подняв к потолку горящие глаза, хором читала: "Свеча горела на столе, / Свеча горела...". Чувствовалось, что они предаются этому не первый раз. Аронзон скривился и выскочил за дверь. Там он

долго бился в корчах — топал ногами, плевался, хохотал...

Вообще он был очень азартен. Однажды я купил два водяных пистолета, и мы устроили буйную дуэль. Помню, что я стрелял метче. Было много шума и хохота.

Я познакомил Аронзона со своими друзьями, поэтами с Малой Садовой: Романом Белоусовым, Тамарой Буковской, Александром Мироновым, отцом Хеленуктизма в России Дмитрием М. (ему Аронзон посвятил свою небольшую поэму "Сельская идиллия") и другими. С некоторыми из них Аронзон тоже коротко сошелся; Рома Белоусов, в частности, стал в 1967-68 гг. его учеником.

... Я хотел бы как можно меньше или вообще не говорить о себе, и все, что сказано выше, сказано только затем, чтобы дать несколько живых штрихов к портрету очень остроумного, обаятельного и необыкновенно талантливого в человеческом общении Леонида Аронзона. Он никогда не был, что называется, всеяден, и мы, совсем тогда юные, интересовали его как новые люди, еще не известные ему своим, именно нашему возрасту присущим, складом. Мы были для него новостью, шире, как говорится, — новым, а к новому Аронзон стремился всегда. Он хотел видеть и знать все. Характерно его высказывание о любимом им **Кафке**: "Как это все знакомо! Скушно читать — словно лежишь в теплой ванне".

Вот его любимые поэты: Пушкин, Державин, Боратынский, Хлебников, Красовицкий, Заболоцкий. Кажется, он совсем не знал Вагинова, Введенского и Крученых. Почти совсем не знал Хармса. Очень любил "Кротонский полдень" Бенедикта Лившица. Любил Мандельштама и Пастернака. Иногда восторженно, иногда иронично читал Ахматову. Ею и Цветаевой он "переболел" в юности. Знал на память громадное количество стихов. Любил, как всем понятно, поэтов-графоманов. С восхищением повторял строки Анаевского:

Полетела роза,
На зердутовых крылах,
Взявши вертуоза, —
С ним летит в его руках.

Очень любил бабочек и рыб, Набокова не любил.

Аронзон был очень музыкален. На магнитофоне были записи Майлз Дэвиса и Рэй Чарлза (это то, что я помню точно). Очень любил итальянское барокко. Восхищался Итальянским концертом Баха (помните: "Глен Гульд - судьбы моей тапер / играет с нотными значками"?).

Не умея рисовать, Аронзон начал в 1966 году писать маслом и написал великолепный автопортрет. Рисовал очень смешные и выразительные карикатуры. А какими чудесными размытками оформлена рукописная книга "Ave"!

Еще одной его страстью был кинематограф. Особенно он восхищался гениальным фильмом "Чайки умирают в гавани" и Бергманом.

"Моби Дик" и Гоголь почитались им едва ли не как Библия.

х х
 х

Вот, я уже прожил на несколько лет больше Лени. Но я с каждым годом все чаще думаю о нем с тоской и любовью. Мне выпало громадное счастье знать и быть другом такого замечательного человека и поэта, как Леонид Аронзон. Я необыкновенно горд тем, что мне посвящено несколько его стихотворений - и среди них такое лестное, как

Мы - сударь, и, нас гоня, ..
брега расступятся, как челядь,
и горы нам запечатлеют
скачки безумного коня.
И на песке озерных плесов,
одетый в утренний огонь,
прекрасноликый станет конь,
внимая плеску наших весел.

Маленький ПостСкрипtum

В последние годы сложился некий "устоявшийся" набор стихотворений поэта. Самая обширная и, с одной стороны, точная подборка составлена Е.А. Шварц. * Однако, она вклю-

* Аронзон Л. Избранное Л., 1979. 58+3 с. (Лит. приложение к журналу "Часы").

чает всего лишь 48 стихотворений (считая за отдельные стихотворения каждую часть "Записи бесед"). На мой взгляд, следует помнить высказывание самого Аронсона:

Как стихотворец, я неплох.
Все оттого, что, слава Богу,
хоть мало я пишу стихов,
но среди них прекрасных много! ж

и не забывать это стихотворение при составлении новых подборок или книг поэта.

Еще одно замечание. Летом 1970 года Аронзон составил список, в который вошло около 70 стихотворений. Из них, может быть, только два-три, по-моему, несколько уступают остальным. По крайней мере, мы имеем последнюю авторскую волю поэта, которая во все времена служила и будет, надеюсь, служить законом, преступить который нельзя. К списку 1970 года можно (и нужно!) добавить те или иные стихотворения (в частности, такие пропущенные автором шедевры, как "Горацио, Пилад, Альтшулер, брат...", "Вокруг лежащая природа..." и "Несчастно как-то в Петербурге..."), но убавить нельзя ничего.

Я хочу закончить свое выступление лучшим, что я могу сделать — чтением стихотворений Леонида Аронсона.

Я прочту несколько стихотворений, не вошедших в "Избранное", кроме двух своих любимых и "Записи бесед". В "Записи бесед" сконцентрированы все основные темы творчества Леонида Аронсона, иными словами — "Запись бесед" — его *Ars poetica*.

Итак:

1. Комарово. 1964;
2. Послание в лечебницу. 1964 (с. 10);
3. Валаам (1: "Где лодка врезана в песок...") 1965;
4. "Всё рек на гривах своей..." 1965;
5. Мадригал ("Глаза твои, красавица, являли..") 1965;
6. "Борзая, продолжая зайца..." 1966;

7. Утро. 1966 (с. 1);
8. "Хорошо гулять по небу..." 1968;
9. "Еще в утренних туманах..." 1969;
10. Запись бесед. 1969;
- ↑11. "В двух шагах за тобою рассвет..." 1970;
- ↑12. "Как хорошо в покинутых местах..." (вариант).
1970.

XXXXXXXX